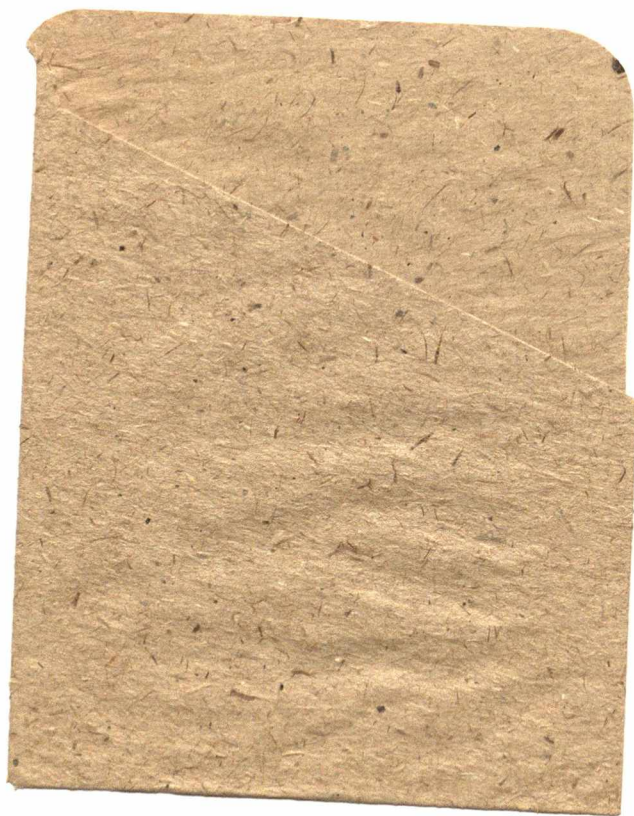

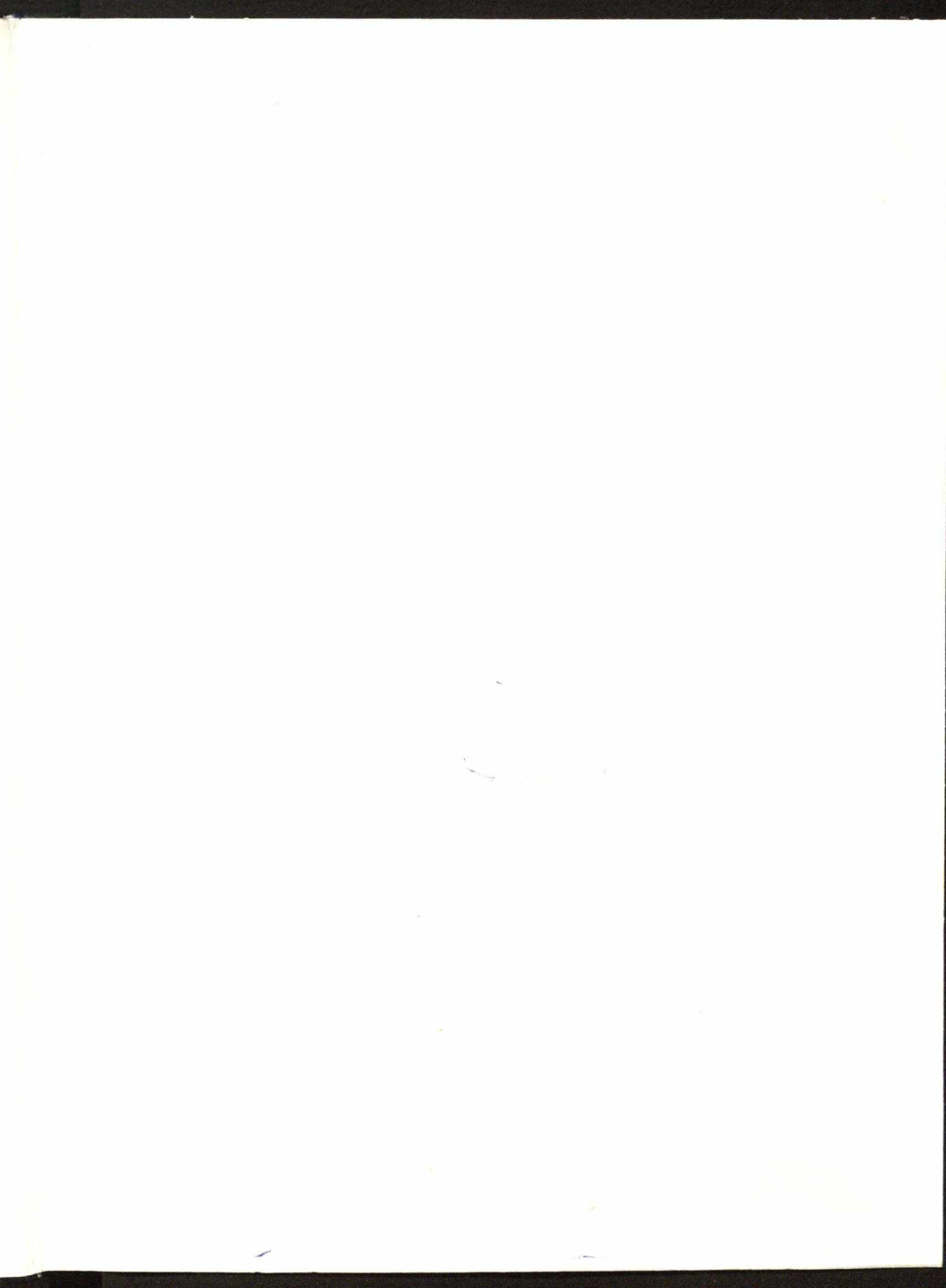
Олег
ДИМОВ

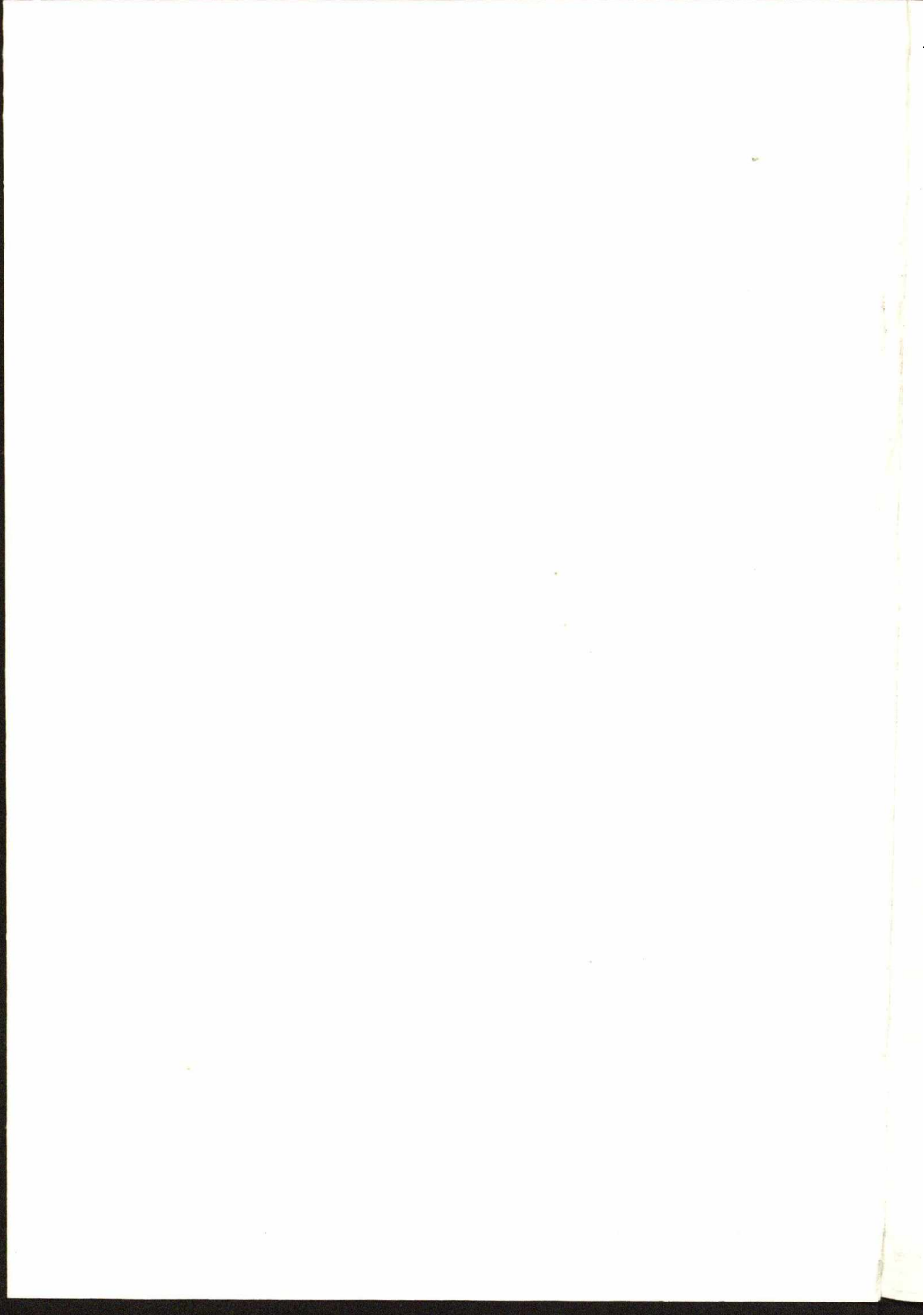

Берег
ВОЛЧЬЕЙ
ЯГОДЫ

ОЛЕГ ДИМОВ

БЕРЕГ ВОЛЧЬЕЙ ЯГОДЫ

Чита
2000

ИРКУТСК

К 87 + 84(2=Рус) 7

Д-46

УДК 882
ББК 84(2=Рус)
Д 46

Димов О.А.

Д 46 **Берег волчьей ягоды: Повесть, рассказы. —**
Чита: книжное издательство «Поиск», 2000. —
с. 240, илл. — 35

ISBN 5-93119-004-X

«Берег волчьей ягоды» — третья книга забайкальского писателя Олега Димова.

Река народной жизни, изливаясь из прошлого, связуя времена и поколения, неудержимо течет в океан будущего, то раскидываясь голубыми плесами в покойных долах, то вскипая и яростно грохоча каскадами перекаатов в скальных берегах. Широко и вольно на стрежне потока, затхло в глухих протоках. Берег... — пристанище для чаящих обрести твердь, пожировать на волчьей ягоде. На нем не приживаются и погибают те, кто не может быстро отказаться от старых представлений о жизни, здесь право на лучшую часть добычи имеют более сильные, а право на первый выстрел — те, кто быстрее вынимает оружие.

Широки по географии пять рассказов, включенных в книгу: Крайний Север, Забайкалье, Китай, — таково пространство, на котором развиваются действия.

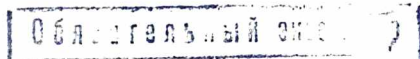
Читинская областная
Библиотека
им. А. С. Пушкина

УДК 882
ББК 84 (2=Рус)
7.0.6398

2015

ISBN 5-93119-004-X

©Димов О.А., 2000
©Круглов Ю.А, иллюстрации, 2000
©«Поиск», 2000

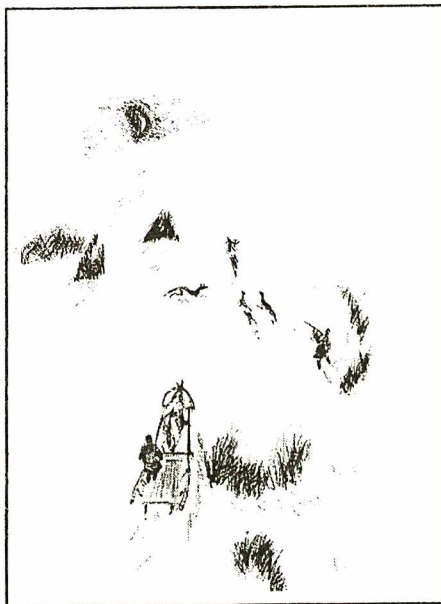
СОДЕРЖАНИЕ

БЕРЕГ ВОЛЧЬЕЙ ЯГОДЫ (ПОВЕСТЬ).....	4
1 СНАЙПЕР	5
2 БАННЫЙ ДЕНЬ	13
3 ПОСТРЕЛЯЛ БЫ Я В РАДОСТЬ.....	28
4 ТРОПОЙ ХОДИВШЕГО НА МЕДВЕДЯ	53
5 ЗОЛОТО ИЗ УРОЧИЩА	73
6 ОРУЖИЕ ХРАНЯТ В ТАЙГЕ.....	83
7 ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ	96
8 ПО РЕКЕ ЗА ЗОЛОТОМ	107
9 ЗОЛОТАЯ ПУЛЯ	120
10 ТЕБЕ ВКЛЮЧИЛИ СЧЕТЧИК – ТЫ ПОКОЙНИК	130
РАССКАЗЫ	
РУССКИЙ СТИЛЬ	161
ЛИЧНО ПРЕЗИДЕНТУ	171
ПРОСТИ НАС, ВАСЬКА	179
ТАНАНДА	202
ДЕТИ ДЛИННЫХ ВЕТРОВ	220

ПОВЕСТЬ

Берег волчьей ягоды

1

Молодой, но уже сутулый месяц, наклонившись так, что вот-вот вывалится в морозное оконце, смотрел сверху, как волки гнали по раскатистому льду лося между высокими берегами. Два скальных останца клыками торчали отдельно от левого берега, их корни обволакивала кипучая наледь, между ними змеился снежный язык поземки. В неживом небесном свете влажно блестели безумные глаза быка, переливчато серебрилась волчья шерсть. Волки загоняли жертву в скользкое промежье клыков. Ей бы только не раскатиться в наледи, выметнуться на крутой берег, где за кустами волчьей ягоды спасительные снега в поросших ерником подлунных даях.

Вороной жеребец вынес из-за речного кривуна двух седоков в развалистых санях. Что постарше, осанистый, в рысьем малахае, заиндеведой бороде, опешил, натянул вожжи, а задний, подхватив винтовку, мигом вывалился из саней. Две трассирующих пули вытянулись из порохового пламени, как огненные персты, ткнули зверей в серебристые бока, опрокинули на лед. Бык чуть замешкался

на круче, запутался в кустах волчьей ягоды и, осыпая гремящие камни, успел уйти в ерники раньше, чем третья пуля, предназначенная ему, была дослана затвором в патронник винтовки.

— Чтоб тебя!.. — отряхая с бороды куржак, проворчал малахай. — Амбар мяса упустил. Волков он пощелкал. Снайпер хренов...

Так в пятнадцать лет Гринька получил кличку Снайпер, понес ее по жизни, как невидимую винтовку за плечами. Она, в конце концов, и определила его жизнь — как он ею распорядился, хотя дело не в том, что кто-то — снайпер. Волчатники есть потому, что есть волки.

Фамилия Гриньке от отца досталась непутящая — Ветрогонов, а все остальное жизнь отвалила полной мерой, как добрый хозяин овса рабочему коню. В десять лет осиротел и был взят с двумя сестрами на прожитие к дядьке Федору, в шестнадцать — забрюхатил соседку, женился. От добрых харчей, физической работы на пилораме к призыву в армию сложился в мужика: в плечах был комлисто развален, руки обросли мясом, по-забайкальски кривоватые ноги крепко ступали по земле. После службы в десантных войсках в село не вернулся — сослуживцы сманили в город. Устроился инструктором в тир, вытребовал жену с дочерью. Азартный и мастеровитый, закончил вечернее отделение индустриально-педагогического техникума, получил квартиру в пригороде, купил "запорожца". Зажил как все...

Март еще крепко подмораживал и задувал ветрами — февраль, апрель то пробрасывал снегом, то растапливал его, звенел сосульками с крыш, май приспел жарким, в первый же свой день собрав ровесников века на митинг у памятника Ленину. Женщины, поверив в май, разделись, победно ступали по солнечным улицам, ослепляя красотой открытых ног, медовых в обтяжном капроне. В День Победы они завоевали город, охотно сдавшийся в плен с десятитысячным гарнизоном, батальоном пожарных, школой милиции, с военным духовым оркестром, со штабами казачьего войска и пограничного округа. Сопротивление оказали только ветераны. Пройдя через город грозной колонной, они накопились в парке Победы, призывали взойти на бастионы, чтобы ударить по социальному беспределу. Но, размягченные речами мэра, теплым

пивом и подарками, сдались на милость организаторов праздника, после чего их распределили по автобусам и увезли по домам.

Город пал. Мужики, забыв распри, коммерческие разборки с ночной стрельбой и погонями, вышли на свет из банков, редакций, мастерских, контор, чтобы удивиться открытым ногам, летящей походке и сияющим глазам счастливых победительниц.

— Чем дальше в лето, тем жарче, тем короче юбки, тем больше пленных, — рассуждал Гринька.

— Вон! — прошептал Серега, увлекая приятелей в аллею. Фамилия у Сереги необычная — Паук, с ударением на первом слоге.

Солнечный свет сочился сквозь платье идущей впереди женщины, обрисовывая точеную, как веретено, фигуру и стройные ноги.

— Догоню и сдамся ей в плен. Прощайте, мужики, — трагично шептал Паук.

Веретено на длинных ногах обернулось... Иринкой — женой Паука.

— А он тебя не узнал и поволочился, — радостно выдал Железо Паука.

Паук смутился. Не потому, что поволочился было за женой, а что не узнал ее, служа в контрразведке в звании майора.

— Вы нас только наощупь узнаете, — вздохнула Иринка. — Куда идете, участники Куликовской битвы?

Приятель опешили. Все трое в тельняшках и десантных беретах, каждый — под метр восемьдесят, и если могли быть участниками, то не Куликовской битвы, а штурма дворца Амина в Кабуле.

— В тир, — ответил Паук. — За шампанским.

В тире пахло дешевым одеколоном. Подвыпившие ветераны палили из винтовок, словно разыгравшиеся дети. С тяжестью принятого на руки оружия вынеслось из учителя Ветрогонова то доброе и вечное, что сеял в своих учениках — от сердца к сердцу. Почувствовал себя машиной для вбивания пуль.

Гринька вскинул винтовку, выстрелил с руки, без упора. Мишень упала. Американская бейсболка — приз, — прикрыв седины ветерана, омолодила русское лицо.

Как сапожник одним и точным ударом вбивает гвозди, так Гринька вбивал пули в мишени. Железо раздавал подарки.

После пятого приза хозяин тира сдался: выставил бутылку шампанского.

Из подвальной прохлады поднялись в полуденную жару. Размягченное асфальтовое покрытие в парке дышало соляным теплом. Шампанское распил в аллее. От жары терпкий пот закипал подмышками.

— Ко мне? — спросил Железо. — В гараж. Там холод склепа.

Шли, соприкасаясь литыми плечами, по праздничному городу, который ластился к ним нежными взглядами женщин, зеленым светом на переходах, музыкой духовых оркестров. Дышалось глубоко, любовью к жизни разгоралось Гринькино сердце, душа желала творить добро. Ему казалось, что их ничто не может остановить: ни окрики, ни пули, ни угрозы. Вот так бы, плечом к плечу, несгибаемо, пройти по городам и весям страны-победительницы, устроить ее жизнь к лучшему, чтобы каждый ее день стал — как сегодняшний. Послужить бы ей, пока еще живог плоский и крепки руки, ясен ум и много лет впереди. А вернувшись, снять разбитые башмаки, посидеть в тихий вечер под топодем во дворе, сказать себе: «Завтра можно идти учительствовать».

Гринька заглядывал в лица прохожих, красивые, умные, в ясные глаза счастливых детей и, наполняясь музыкой военных маршей, видел сквозь время предутренний туман на поле Куликовом за Непрядвой, где рослые травы побиты конскими копытами, и дымы Бородино, и влажный хлад Чудского озера, и май сорок пятого. Да и как он мог не помнить этого, если на крови и прахе воинов, преданных земле, всходили хлеба и на хлебах тех возрастали русичи, из которых вышел и он, Григорий. И он, сойдя в землю, прорастет зеленым побегом памяти о себе.

— Бетонно, как в камере, — определился Паук в Пашкином гараже и, довольный собой, пустился в рассказы, как камеры исправляют людей — в истории тягостные.

Вспоминалось им, как чудили, бились в драках и живали в казармах. В майской духоте запорхали ромашки парашютов, унесли мужиков в кара-кумские пески, в десантный батальон специального назначения. Железо сказал тост, когда сдвинули стаканы над верстаком, накрытым газетой:

— Время разносит нас, оно, как высота, с которой прыгнули. Если не получится встречаться, то давайте хотя бы помнить, что мы — с десантными автоматами — кувыркались в одном небе над Кара-Кумами и два года рядом рубали перловую кашу пополам с песком.

Закусывали солеными огурцами из банки. Григорию после выпитой водки думалось, что стол в зале просторной квартиры Железа искрится хрусталем салатниц и бокалов, и негодуяще поблескивают серо-голубые глаза Катерины, Пашкиной жены, заждавшейся их к обеду. Как она сейчас, в светлом платье с разрезом, высоко обнажавшим длинную ногу, поправляет сочные развалы красной икры, балыка, буженины... Гринька чего-нибудь бы съел с этого стола, потому что утром, в пользу дочерей, отказался от праздничной сосиски на завтрак, в расчете на добротный обед у Железняков. Катерина, подавая на стол, обычно норовит украдкой прижаться к Гриньке горячей ногой из-под разреза. Вольная женщина, красивая...

Лаково сияла благородными обводами Пашкина машина. Гринька сел за руль, включил магнитофон и, надев темные очки, поехал по городу. Путь указывал пустой желудок — в ресторан. Но прежде надо прихватить трех своих девушек: жену и дочерей.

Снег в мае по колено — для Забайкалья не диво. Выбелит сопки, приклонит к земле отмягшие деревья, укроет распаренные пашни, где простуженно кашляют тракторы. Город заметала знобкая поземка, прохожие — пролетарий, учителя, инженеришки — кутались в пальто. Гринька наехал на переход и пугнул клаксоном учителя Ветрогонова, скакнувшего с испугу в сугроб.

— Смотри, куда идешь, козел! — кричали из других машин.

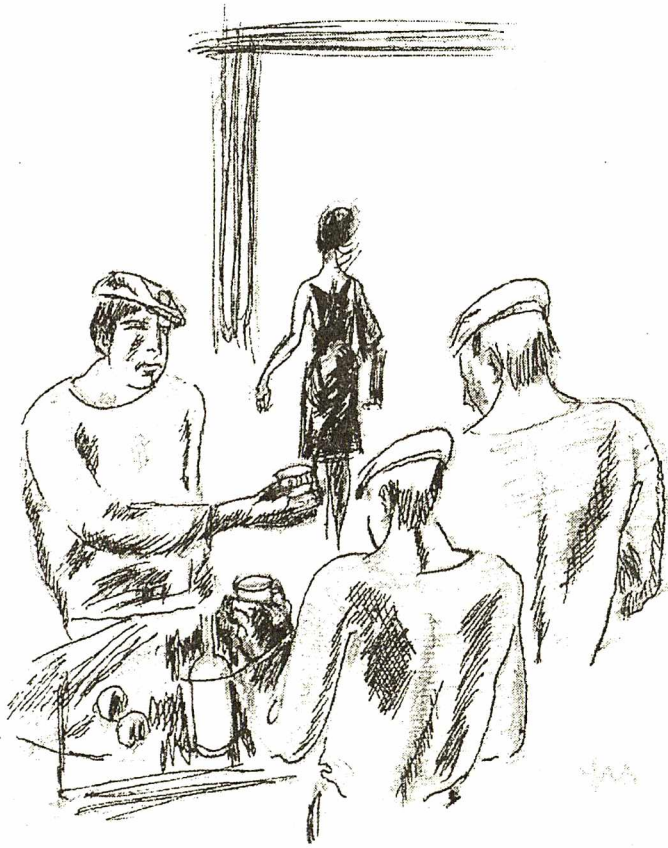
В универсаме Григорий купил три женских меховых пальто с капюшонами, три вечерних платья. Рассчитался долларами, уложил пакеты на заднее сидение.

Метельные вихри раскачивали машину, летящую сквозь снегопад, и вот уже не видно дороги, зданий. Только свист ветра и белая мгла. Где земля, где небо...

— Эй, мужик, — постучал в окно Паук, — ты с нами?

Гринька опустил стекло, принял стакан и пахнувший укропом огурец.

На газету пролилось немного водки, по траурным буквам заголовка расплозлось пятно.

"ПОХОРОНЫ ЖУРНАЛИСТА СЕРГЕЯ КОЛЯДЫ"

"Застрелен лучший журналист нашего города, — прочитал охотчий до криминала Паук начало статьи, проникаясь ее охотничьим азартом. — Сергея Коляду нашли утром на даче застреленным из собственного ружья, которое он, по словам жены, всегда брал с собой, если собирался там ночевать, где ему хорошо работалось..."

Водочный подтек, съедая слова, расплзался по трагической судьбе Коляды. Гринька, из уважения к убиенному, выключил музыку.

«...В Италии было закуплено уникальное ограниченное оборудование, стоимостью два миллиона долларов. Под предлогом разрыва экономических связей с алмазниками Якутии по назначению оно не востребовалось и в трудные дни, которые, кстати, не кончаются, было передано городом предприятию «Самоцветы» в качестве залога под заем трех миллиардов рублей для ремонта жилищного фонда. Теперь невозможно установить, по причине пропавших документов, кем и куда это оборудование вывезено. Волчья карточка оборвала журналистское расследование..."

— Будем Коляду поминать? — Железо прихлопнул газету ладонью.

— Ты обещал нам прохладу склепа — так оно и есть, — сказал Паук.

Гринька начал собирать в пакет огурцы. Чему-то улыбался, а черные глаза, блестящие от выпитого, подернулись голубоватой дымкой, как окалиной на металле. Такое бывает, когда о чем-нибудь размышляется.

— Закрываем этот склеп, едем в мой гараж — в пригород. А там по тайге, тропинками атамана Семенова — на реку. — Гринька рассмеялся, отчего синий налет на радужницах загустел.

— Может, машину вызвать? — предложил Железо.

— Нет! — Гринька рассмеялся еще заразительней. — Я вас на «запорожце» повезу. Такие люди! Вы в нем, наверное, и не сидели?

— Баб снимем! — Пьяненькие глаза Паука блудливо запоблескивали.

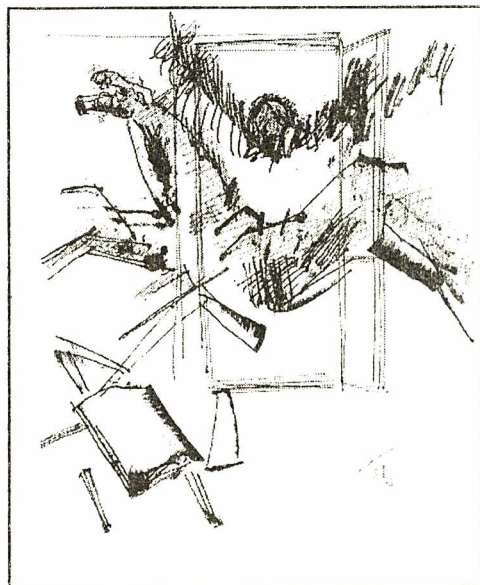
Настроение у мужиков переломилось к лучшему. Железо запирает на три замка гараж, Паук рассказывал, размахивая руками:

— Лейтенантом еще был... У отца «жигуленка» взял и поехали с Иринкой на природу. Спинку откинули, а чулки и туфли в азар-

те не успела снять — всю обтяжку на потолке шпильками издырявила... Мама потом спрашивает: «Это что, сынок?» — «На боевое задание, — говорю, — мама, ездил, солдатика посадил, у него винтовка со штыком, дорога тряская, погоня — вот и пробил дыры.» А батя палец в одну вставил, вертит им и говорит: «Никак четырехгранный штык на вооружение снова поставили?» А сам мне кулак показывает, здоровый такой, волосатый...

Мужицкий смех спугнул в небо с гаражной крыши голубей, истомленных жарой.

БАННЫЙ ДЕНЬ

2

Открытие, что бедность в семье приблизилась к той черте, за которой лежит уже откровенная нищета, снизошло на Григория в воскресенье, после бани. Смотрел футбол — экран телевизора погас.

Старшая дочь набросила на экран накидку — закрыла усопшему око.

Гринька неосторожно ворохнулся, и кресло под ним развалилось. Дочери убежали хохотать в кухню.

— А я думал, что только с эвенками в банный день неприятности случаются, — удивился Гринька.

— Почему — с эвенками? — ревниво спросила Ольга, чернявая, с примесью эвенкийской крови. Вытерла пот над губой, выступивший от старания. Нагнувшись к шитью, перекусила нитку. Ладила платье на выпускной вечер старшей дочери.

— Пошел эвенк в баню — майку потерял. Говорит, украли. А через год нашел ее на себе — в бане.

— Но-но! — как погоня оленя, обронила жена.

Дочь прикинула обнову, крутнулась перед зеркалом. Меш-

коватое платье старило ее лет на пятьдесят, делая похожей на Гринькину тещу-метиску.

— В таком только хоронить. В гробу, под тюлью, не видно, какая в нем... — Выпускница разрыдалась.

— Но-но! Зад прикрит — и ладно! — прикрикнула Ольга.

Младшая, из солидарности, подвывала сестре. Гринька полагал, что скорее заплачет каменный утес на берегу, ниже их родного села Яр, чем Ольга, по-северному терпеливая к жизни. Но слезы потекли по смуглым щекам жены к дрожащему подбородку.

— Банный день в эвенкийской семье, — сказал Гринька. — Будет вам платье и поездка к бабушке — «запорожца» продадим.

Плакальщицы добавили высоты в голоса. Гринька вышел на балкон.

Черная, с синим отливом туча с запада приступила к городу, съедая огнистый свет заката, наволоком опускалась на город, окутывая его влажным мраком, отчего ярче светились окна домов. Гринька задумался о жизни, которая не держала его, как развалившееся кресло. Проданный «запорожец» проедят за лето. Он будет всего лишь латкой на дерюге нужды.

Через перегородку балкона вытацил у соседа из пачки сигарету. Захмелел от нескольких затяжек — с армейских времен не курил.

Громоздкую тучу корежило: разновысотные потоки рвали ее края, лохматили, она проседала на город свинцово-серой тяжестью влаги. Так проседает в хребтине смертельно загнанный зверь, когда волки рвут с его стегн и лопаток мясо, парящее живым теплом.

С Железо договорились встретиться на его даче. Гринька хотел переговорить с Павлом о своих делах, Павел хотел, чтобы Гринька посмотрел его машину, которая, как он выразился, упала на колени. Машину, новую, но запущенную, Гринька утром перегнал из гаража на дачу.

Дачи — это место где отдыхают. Ночью отдыхают — понял Гринька: дачники, ворочая работу, вкалывали так, словно за невыполнение дневной нормы полагался расстрел или лишение вечерней баланды из прошлогоднего картофеля. Судя по преклонному возрасту садовых огородников, многие из них пережили те мрач-

ные времена. Гремели по железу молотки, стучали топоры, визжали циркулярные пилы.

— Хрен им с маслом! — натужно пыхтел за штaketником сосед, размешивая в ванной раствор. Докрасна загорелый, толстенький, он походил на кипящий самовар.

— Слушай, хрен с маслом, ты же не тесто заводишь на блины! — не выдержал Гринька, наблюдавший за его трудами.

В одно касание перепрыгнул через штaketник, запустил лопату до дна ванны, вывернул пласт сухого цемента.

Приготовив раствор, Гринька расшил перемычками опалубку под фундамент, набранную на хлипкие колышки. Доверившись его скорodelьным рукам, самовар кипятился:

— Хрен им с маслом! Татаро-монгольское иго пережили, культ личности, войну, переживем и этих реформаторов.

В дачный домик Павла вошла женщина в деловом костюме, а через минуту явилась на пороге воплощением греховности: в тончайшем бикини цвета пламени, с таинственной улыбкой на чувственных губах. С удовольствием, словно любуясь со стороны, как ее загорелые длинные ноги ступают по кирпичикам дорожки и покачиваются бедра, прошла к штaketнику, положила на него голые руки, пригласила Гриньку на чай. Чая бы выпил, но не с полуголой женой друга в полутемной даче.

— Попозже, — отказался Гринька.

— Попозже придет Павел. — Катерина выразительно вздохнула. — И будем ужинать.

К вечеру Гринька перебрал и поставил на колеса машину. Катерина все время сновала мимо, его глаза неуправляемо косились на ее выпуклые ягодицы, подрезанные снизу двумя нежными складками.

— Это она по случаю тебя здесь обнажилась, — сказал приехавший на электричке Павел.

Гринька смутился, взглянул Павлу в глаза, вялые, равнодушные, с темными кругами на подглазьях. Предположил:

— Или пьешь, или диссертацию по ночам пишешь.

— Докторскую.

— И ни машину, ни жену не любишь.

— Не люблю, — равнодушно подтвердил Павел. Стягивая на

ходу галстук, рубашку, ушел в душ.

Накрывая на стол, Железняки далеко обходили друг друга, словно боялись соприкоснуться. Между собой не разговаривали.

После ужина мужики вошли в вечерний лес, взбегающий на хребты, уходящий дремучей тайгой до самой тундры. Гринька представил эти просторы, задумался: сколько же там соболя, белки, зверя, а он, потомственный промысловик, седьмой месяц не получает учительскую зарплату! Не там ли его место?

— Мне больно, что толковые учителя уходят из школ, но как мужик я тебя понимаю: надо спасать семью, — говорил Павел. — А у Паука ничего для тебя нет?

— Есть. Снайперы требуются. Работа сдельная, вахтовым методом. Месяц дома, месяц на войне. Проезд за счет государства.

Железо не отнесся серьезно к его словам. Покосился, хмыкнул.

Мягкие сумерки обволакивали деревья, с дачного участка доносился торопливый стук топоров.

О многом переговорили. Темный лес, тихий вечер располагали к доверительности. Гринька окончательно утвердился в убеждении, что надо менять работу. Растерянно признался:

— Все бы ничего, да из интерната не хочется уходить. Люблю с детьми возиться, учительниц молоденьких каждый день видеть. Влюбчивый я... Как увижу хороший плотницкий или слесарный инструмент, руки начинают трястись. Чего у меня нет в мастерских — и все бросить!

— Не ной! — грубовато оборвал Павел. Дружески стукнул по плечу. Рука у него была тяжелая. Весь он, работающий круглыми сутками, волевой, тренированный, казался Гриньке матерым мужиком.

— Ночевать не останусь, — предупредил Гринька. — Надо закончить домашние дела. Завтра пойду сдаваться.

Павел проводил его до электрички. На перроне, вместо слов прощания, сказал:

— Катерина разочаруется...

Обнаженный по пояс, клеящий ночью обои, Гринька пугал Ольгу. Ей было страшно и весело.

— Гриня, ты, Гриня, — говорила она мужу, сидя на детском стульчике, — тебе тридцать два года, а ты все — Гриня. Это пото-

му, что костюма у тебя нет. Тебя и ученики Гринеи кличут. Учитель, в джинсах обтертанных...

— Зато у меня рука и глаз — снайпера. Смотри! — Вскинул руку со скальпелем и одним движением — от потолка до пола — отрезал кромку обоев. — Вот так могу электродом резать.

— Разве где сварщики нужны, — предположила Ольга. — Работа денежная.

— Сварщики — нет, а снайперы там-сям нужны. Тоже денежная работа... — Гринька ухмылялся, разглаживая широкими ладонями обои.

Полюбовался светленькой в цветочках, кухней, отмыл от клея кисть.

— Принеси-ка из аптечки спирт. Обои надо протереть, а то сморщатся.

Ольга послушно принесла, с сомнением посмотрела на пузырьки.

— Здесь не хватит.

— Хватит, хватит, — весело ответил Гринька. — Ты его поуже разведи...

Светало. Намята сильными руками, Ольга попритихла. Покоем веяло от двери в девчоночью комнату.

Скользя мягким плечом по груди и упругому животу мужа, Ольга сползла к ногам, обняла их, мускулистые и волосатые. Завистливо прошептала:

— Вот ведь ты литой, а я износилась, как старая олenuха под выюком. Северная кровь — сильная, но скоро стынет.

Правду говорила: пообрыхлались от родов и хлебной рабо-

8.0. 6398

Библиотека
ИМ. А. С. Пушкина

ты — пекарем, ссутулилась над стирками и шитьем, обабилась от нужды и забот.

— Как уеду в село, так избегаешься по девкам. Заведешь себе молодую, чтоб не тяготиться мужицкой силой.

Гринька отмалчивался. Знал: если Ольга что возьмет в голову — колом не вышибить. Поглаживал ее мягкую спину в складках жира у подмышек. Чего доспелось с бабой к тридцати годам? А какая была кабарожка!

Ольга вывернулась из-под простыни, подняла полные руки, сняла с груди простенький крестик на тесемочном гайтане.

— Пусть тебя здесь хранит. — Надела на Гриньку.

Ночная туча, цвета кровельного железа, так и не пролилась дождем, утром висела над городом, погромыхивала.

Фомин, директор школы-интерната, где Гринька работал учителем труда, составлял смету на ремонт. У Фомина просторный череп и узкий подбородок, отчего лицо кажется клиновидным. Подписав Гринькино заявление об уходе, спросил:

— И куда?

— В коммерцию.

— Это хорошо, — одобрил Фомин. — Откинул голову, нацелился на Григория острым подбородком, как лезвием колуна.

— Одобряете?

— Конечно, потому что к осени вернешься в школу. Не получится у тебя в коммерции работать. — Фомин опустил голову к бумагам, отчего острие клина воткнулось в худую грудь. — Ты уходишь от нищеты, за деньгами, но не по убеждению, что так надо. Иди, Григорий, испытай себя.

«Запорожец» Григорий ставил в школьном боксе при мастерских. Обиходил машину к продаже, сложил в багажник запасные части. Не переживал. Верил, что со временем купит машину покруче.

Гринькин сослуживец Славка Виноградов после армии вернулся в родное село, три года был рабочим совхоза. Плотничал, строил дороги, стриг овец — везде получалось. Предложили бригадирство — отказался: уже знал себе цену и что способен на большее. Село разделялось. Одни нищали и жалели себя, другие — нату-

ры покрепче, характером поухватистой — пошли в гору, но таких было меньше. Славка решил, что будет среди них, поскольку считал: каждый должен заботиться о себе сам.

И когда в совхозе на месяц задержали заработную плату — уволился. Уехал в город, где сослуживцы помогли устроиться в общежитие. Никакой работой не гнушался: строил дачи, стеклил окна, дворничал, разгружал контейнеры и вагоны. О себе ничего не придумывал, честно говорил, что хочет стать богатым. Умный, всегда трезвый и обязательный, вскоре обзавелся друзьями, которые сдали ему в аренду водочный киоск на вокзале. Через год он его выкупил. Еще через год — открыл свой магазин.

С крестьянской основательностью Виноградов занялся накоплением денег, сколачивал из рублей тысячи, словно некогда из штатетин забор, огораживал ими свою жизнь. Никто не знал, что в ней происходит, когда скрытный Славка остается один: пишет ли стихи или пьет в одиночку, считает ли деньги или занимается сексом по телефону.

Редко Славка бывал щедрым, чаще — прижимистым, иногда — жестоким, но в первую очередь не жалел себя. К тридцати годам имел достаточно денег, но мало радостей, судя по тому, как жил: замотанно, в одиночестве, настороженно. Иногда говорил сослуживцам — Ветрогонову и Железняку, — что скоро все бросит и вернется в село, а после прикупал еще один магазин.

Солнечным утром похмельный сварщик прилаживал замок на металлические двери коммерческого Центра. Генеральный директор Вячеслав Виноградов наблюдал за сварщиком в открытое окно. Голубая краска на двери потемнела, расцветилась межежами, в металле появилась похабная дыра. Виноградов не по-директорски ругнулся.

Гринька легонько сдвинул сварщика с рабочей точки плечом, вынул из его руки держак, надел маску. Не отрывая электрода, одним проходом наложил по периметру замка волнистый, отливающий синевой шов.

Виноградов хмыкнул, достал из холодильника две банки пива. Они сразу запотели на воле.

— Пятьдесят рублей с тебя, — потребовал Гринька с порога.

— Дешево ценишь свой труд. — Славка катнул к нему по столу банку.

— За труд ты мне заплатишь отдельно. А пятьдесят рублей — это я латку на дверь из монеты поставил.

Широкие Славкины плечи по-женски округлы, висячи, живот, обтянутый шелковистой рубашкой, немного портил крепкую фигуру. Короткие волосы на большой голове изрядно побиты сединой.

— Ты посерел, как летошний заяц, — сказал ему Гринька.

— Восемь лет в коммерции. Каждый день — как по минному полю. Не знаешь, где рванет. Или склад обворуют, или клиент подставит, или кассир с выручкой сбежит. Железо звонил, рассказал, как вы почудили в День Победы. Не получилось у меня прийти — работал.

Солнце двигало по столу тень оконной решетки, искрилось в полировке офисной мебели. В кабинете пахло теплой кожей кресел. На монитор компьютера, подключенного к сети предприятия, поступала информация о движении товаров: расход, приход, остаток.

— Хозяйство у тебя большое, но не укомплектованное: меня в нем не хватает. — По-собольи черные Гринькины глаза, с голубоватым, как пыльца, налетом в радужнице, смеялись.

— Управляющий мне нужен.

— Я технарь. Что руками — сверху до низу переберу и отлажу. Больших планов на меня не имей.

— Дам тебе месяц охотку сбить. Если хочешь, со строителями поработай — я гаражи затеял строить. Присматривайся. Обедать поедем ко мне, — предложил Славка. — Скромно, по-холостяцки.

Женя приходилась Славке племянницей. Красивая, мечтательная, с живыми глазами, росла она общей любимицей. Славка удивился, узнав, что Евгения, с серебряной медалью окончившая школу, осталась работать в селе почтальоном. Съездил за ней, оплатил учебу в коммерческом колледже, купил Евгении однокомнатную квартиру. Город не вскружил ей голову. Училась отлично, подрабатывала в Славкиных магазинах на проверке отчетов. После учебы взял ее старшим кассиром, но обязанности были куда как шире. Если Славка сравнивал свою работу с хождением по минным полям, то теперь знал, где точно у него не заминировано: кассовые операции.

Она-то и проскользнула после обеда гибкой змейкой мимо клиентов, ожидающих приема, в Славкин кабинет, положила на стол приказ на Ветрогонова.

— У вас здесь ошибка, — немного смущаясь, сказала она. Ей было неприятно уличать дядьку. — Принять плотником с окладом управляющего... Дороговатый плотник.

— А ты мне дешево стоила?

Отложной воротник белой кофты, спускающийся двумя языками на девичью грудь, дрогнул от обиженного вздоха, но в красивом лице, заключенном в овальную виньетку волос, ничего не изменилось.

— Я отрабатываю свои деньги.

— Глупая ты, глупая, — покровительственно сказал Славка. — За деньги можно купить, но можно и приручить. Купленный — продаст, прирученный — никогда. А ты очень конторская, — заметил Славка, рассматривая длинную юбку из материи цвета рубероида.

— Я с деньгами работаю, Вячеслав Вячеславович.

— Ладно, открывай калитку — начну прием.

Славка перебежал из своего кабинета в бухгалтерию, Гринька затянул его в простенок между дверями.

— У тебя сельпо, а не коммерческий центр. — Гринька показал на полки, где стояли образцы товаров и ценники, написанные фломастерами. — Это надо разнести во всю стену, заполнить воздухом и светом. Витрина — как ларец с драгоценностями должна быть оформлена.

Гринькины черные глаза подернулись налетом мечтательной дымки.

— Делай, а мне некогда. — От нетерпения бежать Славка перебирал ногами.

Фомин охотно принял предложение изготовить витрину в школьных мастерских. Ученикам занятие, а школе приработок.

Через неделю Гринька попросил у Винограда грузовик — привезти витрину — и закрыть на день Центр.

— За пять лет мы ни разу не закрывались на день. Нас поджигали, обворовывали, затапливали, но мы работали. Уговари-

Это была демоверсия книги - Димов О.А. Берег волчьей ягоды : Повесть, рассказы

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34